

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Мухаметгалиев Денис Маратович

**Правовые возможности влияния третьих лиц на договорные
обязательства**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – **Филиппова Софья Юрьевна**,
доктор юридических наук, доцент.
- Официальные оппоненты** – **Беляева Ольга Александровна**,
доктор юридических наук, профессор РАН,
ФГНИУ Институт законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации,
кафедра частноправовых дисциплин,
заведующая, главный научный сотрудник;
Илюшина Марина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», кафедра
гражданского и предпринимательского
права, заведующая;
Кулаков Владимир Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия», ректор.

Защита диссертации состоится «14» декабря 2022 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд.536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/497586696/>.

Автореферат разослан «__» ноября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Щербак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Усложнение экономического оборота неизбежно ведет к увеличению количества субъектов, обслуживающих одну и ту же хозяйственную операцию. В таких условиях договорное регулирование только лишь перехода основного экономического блага от одного контрагента к другому может быть недостаточным. Важное значение имеет не только закрепление прав и обязанностей кредитора и должника, но и прав сторон производных или связанных договорных обязательств. При этом стороны различных договорных обязательств де-юре независимы и не могут оказывать влияние на исполнение чужого обязательства. Хотя де-факто такая потребность существует.

Неучастие третьих лиц в договоре не означает, что они не заинтересованы в исполнении чужого договорного обязательства. Напротив, поскольку третьи лица могут иметь юридическую связь с кредитором или должником, то судьба их «связанного» обязательства может зависеть от правовых последствий в рамках другого договора. Вместе с тем они не имеют юридической возможности оказывать влияние на реализацию кредитором или должником своих субъективных прав и обязанностей в силу гражданско-правового принципа относительности обязательства.

Законом признается, что потребность субъекта в защите нарушенного права проявляется не только в отношениях «связанности» с должником или кредитором, но и к отношениям с иными лицами, например, в случае необходимости защиты нарушенного права конечным покупателем в результате получения некачественных товаров и услуг в цепочке сделок. Так, при приобретении лицом некачественного товара он как конечный покупатель может быть заинтересован обратиться с требованием о возмещении убытков к производителю товара, а не к своему продавцу, если последний прекратил свою

деятельность или стал банкротом, и законодатель такое право признает. В спорах в сфере лизинга развивается судебная практика, которая фактически признает взаимосвязанность отношений между поставщиком и лизингодателем, с одной стороны, и лизингополучателем, и лизингодателем, с другой стороны. Более гибкие подходы к принципу относительности договорного обязательства фактически развиваются судебной практикой и в связи с банкротствами предприятий. В случае невозможности реализации права на судебную защиту, третьи лица, которые в связи с банкротством и ликвидацией надлежащего ответчика лишились возможности защитить свои права, вправе обратиться к должнику, минуя надлежащих ответчиков.

Указанные случаи представляют точечные исключения из принципа относительности договорного обязательства. При этом невозможно утверждать о существовании в российском праве разработанной и последовательной теории, объясняющей возможности третьего лица участвовать в исполнении чужих договорных обязательств. Выстроенная правовая логика станет подспорьем для формирования в российском праве свойства предсказуемости в ситуациях с участием третьих лиц.

В других случаях третьи лица могут не иметь юридической связи с одной из сторон обязательства, однако существование чужого обязательства может служить препятствием реализации определенных интересов такого субъекта. Таким образом возникает потребность разрушить чужое договорное обязательство, создать препятствия в реализации субъективных прав кредитору с тем, чтобы создать для себя некие преимущества или выгоды. Рассмотрение обязательства как относительного правоотношения ставит теоретические проблемы в обеспечении надлежащей охраны и защиты сторон обязательства от такого вмешательства.

Очевидно, что субъективная заинтересованность третьего лица в существовании, исполнении или, напротив, неисполнении, чужого

обязательства, не должны ставиться в приоритет или восприниматься как нечто более значимое чем интересы самих сторон обязательства – кредитора и должника. Нельзя исключать, что цели и мотивы третьих лиц в отношении чужого обязательства могут приобретать недобросовестный характер по отношению к кредитору и должнику. В таком случае наделение правами третьих лиц является недопустимым. Встает вопрос о том, какие способы защиты от неправомерного вмешательства третьего лица может предложить правовая система, при условии, что традиционное понимание договорного обязательства не предполагает способов его защиты от третьих лиц. Можно ли в этом случае применять правила деликтного права, и если можно, то о защите какого именно абсолютного права должна идти речь? Эта проблема также требует научного осмысления.

Отсутствие разграничения между защитой прав третьих лиц и защитой прав кредитора от действий третьих лиц приводит к практической проблеме отсутствия единого подхода в правоприменительной и законотворческой сфере относительно правовых возможностей третьих лиц оказывать какое-либо воздействие на динамику чужого договорного обязательства. Идея защиты интересов третьего лица в чужом договорном обязательстве, равно как и признание неправомерным недобросовестного вмешательства, представляются в отдельных российских судебных актах как неочевидные попытки обоснования правоты потерпевшей стороны нежели сложившийся системный подход к пониманию проблемы.

Одной из причин практической и теоретической проблемы обоснования пределов влияния третьих лиц в рамках чужого договорного обязательства является неопределенность самого понятия третьего лица. Из-за того, что гражданское законодательство не раскрывает понятие третьего лица, законодатель и правоприменитель дают ему фактически различное толкование, что приводит к смешению понятий «третьи лица», «другие лица», «иные лица».

В научной доктрине также отсутствует единый подход к понятию и статусу третьих лиц в обязательстве. В одних научных работах мнение сводится к некой юридической связи с участниками основного обязательства, согласно другим – предпочтение отдается в пользу наличия/отсутствия интереса в договорном обязательстве.

При отсутствии понимания того, кем являются третьи лица сложно установить единообразные критерии предоставления правовой охраны интересов третьего лица применительно к чужому договорному обязательству или, напротив, критерии неправомерности его вмешательства в договор. В связи с неопределенностью понятия и статуса третьих лиц отсутствует системное понимание форм их правового влияния на чужое договорное обязательство.

Разработка универсального подхода к понятию третьего лица и систематизации форм его правового влияния на договорное обязательство в российской доктрине может послужить основой для закрепления производных правовых идей о взаимосвязанных (групповых) договорах, для развития института гражданско-правовой ответственности, для формирования новых подходов в деликтном праве в части взыскания чисто экономических убытков с недобросовестных третьих лиц.

Следовательно, актуальность темы исследования заключается, с одной стороны, в необходимости теоретического обоснования участия третьего лица в чужих договорных обязательствах, природы требования к должнику, роли и способов воздействия на динамику чужого договорного обязательства. С другой стороны, существует практическая потребность в определении четких критериев правомерности вмешательства третьего лица в чужие договорные отношения, на основе иностранного опыта и смежных институтов следует определить перспективы развития идеи защиты третьих лиц в российском праве.

Степень разработанности темы исследования

В российской правовой доктрине имеются работы, посвященные понятию третьего лица и его роли в гражданско-правовом обязательстве. Одной из первых отечественных работ, посвященных исследованию правового положения третьих лиц в обязательстве, была работа А.М. Нолькена «Договоры в пользу третьих лиц»¹. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву», опубликованная в 1885 году. В этой работе проанализированы зарубежные законодательства и доктрина, выявлены основные признаки договора в пользу третьего лица. Проблема участия третьего лица представляла научный интерес у дореволюционного юридического сообщества, что подтверждается работами Ю. Дубовицкого в статье «Договоры в пользу третьего лица»², изданной в 1885 г., А.Н. Бутовского в одноименной работе в 1910 г. Также Е.Н. Данилова исследовала проблему пределов ответственности должника за действия третьих лиц в статье «Ответственность должника за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора»³, изданной в 1913 г.

В советской юридической доктрине к проблемам участия третьего лица в обязательстве обращались так или иначе многие ученые, разрабатывающие теорию обязательственного права – И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц⁴, О.С. Иоффе⁵, М.К. Сулейменов⁶, В.И. Серебровский⁷ и другие ученые, однако наиболее значительный вклад в развитие теории влияния третьих лиц на обязательства внесло диссертационное исследование М.И. Брагинского «Влияние действий

¹ См.: Нолькен А.М. Договоры в пользу третьих лиц. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву. СПб., 1885.

² См.: Дубовицкий Ю. Договоры в пользу третьих лиц // Юридический вестник. 1885. № 6-7.

³ См.: Данилова Е.Н. Ответственность за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора. М., 1913.

⁴ См.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950.

⁵ См.: Иоффе О.С. Обязательственное право / Избранные труды: В 4 т. СПб., 2004. Т.3.

⁶ См.: Сулейменов М.К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. 1978.

⁷ См.: Серебровский В.И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица. М., 1948.

других (третьих) лиц на социалистические гражданские правоотношения»⁸, в котором с учетом социокультурного контекста рассматриваются основные формы участия третьих лиц в правоотношении. Понятие третьего лица и гражданско-правовые формы с их участием также исследовались в работах других советских ученых: Н.С. Ковалевской «Договор в пользу третьих лиц» в 1988 г., Л.И. Семеновой «Возложение исполнения обязательства на третье лицо в отношениях между социалистическими организациями» в 1967 г.

После изменения экономического и политического режима, принятия нового гражданского законодательства, потребовалось переосмысление многих ключевых понятий, в том числе и понятия третьего лица. Среди постсоветских ученых наиболее существенный вклад в разработку темы внесли М.К. Кроз диссертацией «Третье лицо в обязательстве» в 2001 г., И.В. Кисель диссертационным исследованием «Обязательства с участием третьих лиц» в 2002 г., Е.А. Перепелкина с диссертацией «Проблемы обеспечения исполнения обязательства путем привлечения третьих лиц» в 2007 г., М.А. Мильков, с диссертационным исследованием «Обязательства с участием третьего лица в российском гражданском праве», защищенным в 2010 г., А.Ю. Чурилов с диссертацией «Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства» 2017 г.. Также определенный вклад в разработку понятия третьего лица, но относительно смежных правовых проблем, внесла диссертация Е.В. Дятлова «Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве» в 2014 г.

В указанных исследованиях основное внимание уделяется известным договорным конструкциям с участием третьих лиц. В работах отсутствует системное исследование и теоретическое обоснование внедоговорных

⁸ См.: Брагинский М.И. Влияние действий других/третьих лиц на социалистические гражданские правоотношения: дис...д-ра юрид. наук. Л., 1962.

возможностей третьих лиц оказывать влияние на динамику чужого договорного обязательства.

Теоретическую основу исследования составили труды представителей отечественной цивилистической науки: М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, В.А. Белова, О.А. Беляевой, М.И. Брагинского, А.Н. Бутовского, В.В. Витрянского, В.П. Грибанова, Д.В. Дождева, Е.Н. Даниловой, Ю. Дубовицкого, Э.А. Евстигнеева, А.В. Егорова, М.Н. Илюшиной, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетова, В.В. Кулакова, Ю.Г. Лесковой, Д.И. Мейера, Н.О. Нерсесова, И.Б. Новицкого, А.М. Нолькена, Л.А. Лунца, Е.В. Пассека, А.Г. Певзнера, К.Б. Победоносцева, И.А. Покровского, Б.И. Пугинского, В.К. Райхера, В.А. Рясенцева, С.В. Сарбаша, В.И. Серебровского, С.А. Сеницына, М.К. Сулейменова, Е.А. Суханова, С.Ю. Филипповой, Е.А. Флейшиц, Ю.Б. Фогельсона.

Помимо этого, проблемные вопросы по теме влияния третьих лиц на договорные обязательства в части противоправности вмешательства третьих лиц в чужой договор (*tortious interference with the contract*) исследуются в работах зарубежных авторов таких как: М. Jones, А. Dugdale, М. Simpson⁹, С. Kamps¹⁰, D. Dobbs¹¹, F. McChesney¹² и др., эти работы были изучены в процессе подготовки настоящего диссертационного исследования. Несмотря на то, что исследование зарубежного законодательного и правоприменительного опыта не может быть безоговорочно экстраполировано на российскую практику, представляется, что некоторые правовые позиции могут быть использованы для заполнения правовых пробелов.

⁹ См.: Jones M., Dugdale A., Simpson M. Clerk & Lindsell on Torts. Ed. 21. 2014.

¹⁰ См.: Kamps C. Interference with Contractual Relation: A Survey of the Wisconsin Law // Marquette law review. Vol. 43. Issue 2. 1959.

¹¹ См.: Dobbs D. Tortious interference with contractual relationships. 34 Ark. L. Rev& 335, 338. 1980.

¹² См.: McChesney F. Tortious Interference with Contract Versus «Efficient Breach»: Theory and Empirical Evidence, 28 J. Legal Stud. 131. 1999.

В работе автор определяет значение как субъективного, так и охраняемого интереса третьего лица, которое отчасти основано на выводах, изложенных Е.В. Пассеком в работе «Неимущественный интерес в обязательстве»¹³, посвященных проблеме защиты интереса особого пристрастия. Необходимо согласиться с вышеуказанной позицией относительно необходимости различения интереса и ценности как соотношение субъективного значения и объективного свойства блага. Этот вывод составляет основу в понимании субъективного интереса третьего лица как свойственные субъекту мотивы, цели, польза, которыми изначально обладает субъект, не являющийся стороной договорного обязательства.

Важное теоретическое значение для работы автора являются рассуждения В.К. Райхера в работе «Абсолютные и относительные права»¹⁴ и М.М. Агаркова в «Обязательство по советскому гражданскому праву»¹⁵ относительно двойственной природы договорного обязательства, которая заключается в наличии не только прямой правовой связи между кредитором и должником, но и в косвенной – между кредитором и всеми третьими лицами. Указанные предположения ученых-правоведов создают основу для дальнейших рассуждений автора относительно целесообразности более широкого толкования принципа относительности договорного обязательства в пользу необходимости защиты третьих лиц или неправомерности их вмешательства в чужие договорные отношения.

¹³ См.: Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев, 1864.

¹⁴ См.: Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву / пер. с нем. О.В. Колотилова // Вестник гражданского права. 2007. № 2. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. I (XXV).

¹⁵ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.

Цель и задачи исследования

Целью настоящей работы является исследование возможностей третьих лиц оказывать правовое влияние на чужое договорное правоотношение.

С учетом общей цели автором поставлены следующие задачи:

- выявить основные тенденции развития понятия третьего лица в обязательстве;
- установить статус третьего лица в договорном обязательстве, определить ключевой критерий разграничения третьего лица и иных (других) лиц;
- выявить формы влияния третьих лиц на чужое договорное обязательство;
- охарактеризовать позитивное правовое влияние третьего лица, определить круг правоотношений, в которых такое влияние находит выражение;
- выявить способы негативного влияния третьего лица на договорное обязательство и критерии неправомерности действий третьих лиц;
- определить эффективные способы противодействия недобросовестным действиям третьих лиц-интервентов.

Предмет исследования

Предметом исследования являются нормативные правовые акты, регулирующие отношения с участием третьих лиц в обязательстве, правоприменительная практика, труды отечественных и зарубежных ученых-правоведов.

Методологическая основа

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. В частности, в работе использованы формально-логические методы, такие как анализ, синтез, дедукция, индукция, общенаучные методы, такие как аналогия и абстрагирование. Также автором использованы специальные методы: исторический, социологический, собственно-юридические методы

исследования, такие, как сравнительно-правовой, формально-юридический, метод юридической герменевтики и правового моделирования. В исследовании применяется структурно-функциональный и системный подход.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем разработана концепция влияния третьего лица на чужое договорное обязательство, а также выявлены квалификационные критерии форм влияния третьего лица на чужое обязательство и правовые последствия такого влияния применительно к договорному обязательству.

Научная новизна выражается в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Доказано, что для квалификации поведения субъекта в чужом договорном обязательстве как юридически значимого или юридически безразличного, необходимо отграничение понятий третьих лиц от иных (других) лиц. Третье лицо – это субъект, который соответствует одновременно трем критериям: а) имеет собственный интерес в чужом договорном обязательстве, б) совершает юридически значимые действия по его удовлетворению, в) не является стороной обязательства. В отличие от третьих лиц, иные (другие) лица не имеют интереса в договорном обязательстве или несмотря на его наличие, не совершают действий по его реализации.
2. Установлено, что действия третьего лица, которые направлены на создание условий для нарушения, изменения, прекращения чужого договорного обязательства и извлечение выгоды от наступивших правовых последствий, представляют негативную форму влияния третьего лица (вмешательство в чужие договорные отношения). Такие действия третьего лица могут носить противоправный характер и квалифицироваться как деликт.

В российском праве в силу принципа относительности обязательства, кредитор не вправе привлекать к ответственности за противоправное вмешательство в чужое договорное обязательство третье лицо, поскольку договорную ответственность несет должник. Однако тенденции развития судебной практики и юридической доктрины свидетельствуют об обоснованности предоставления кредитору дополнительных способов защиты права против третьего лица: требование о признании замещающей сделки между третьим лицом и должником недействительной или о взыскании убытков с третьего лица.

3. Установлены критерии противоправности действий третьих лиц, оказавших негативное влияния на чужое договорное обязательство: а) отсутствие у кредитора разумных оснований полагать, что третье лицо вправе беспрепятственно реализовать права в отношении предмета исполнения в рамках договора; б) третье лицо знает или должно знать, что должник исполняет договорное обязательство кредитору, и нарушение, изменение, прекращение такого договорного обязательства станет причиной убытков кредитора; в) в результате вмешательства третьего лица содержание договорного обязательства изменилось в той степени, на которую кредитор или должник не могли рассчитывать в момент заключения договора.
4. Установлено, что совершение предусмотренных договором или законом действий третьего лица по реализации своего интереса в чужом договорном обязательстве составляет позитивное влияние, которое не может расцениваться в качестве вмешательства в чужие договорные отношения. К таким действиям могут относиться исполнение обязательства (ст. 313 ГК РФ), выражение намерения принять исполнение (ст. 430 ГК РФ), а в исключительных случаях защита нарушенного права в связи с неисполнением взаимосвязанного договорного обязательства

должником. Согласие на совершение сделки третьим лицом (ст. 157.1 ГК РФ) представляет позитивное влияние на чужое договорное обязательство в случае, если: а) третье лицо имеет частный интерес в чужом договорном обязательстве; б) третье лицо совершает действия по защите своего частного интереса в чужом договорном обязательстве.

5. Установлены основные критерии для удовлетворения требования третьего лица к должнику о возмещении убытков, возникших в связи с неисполнением обязательства по взаимосвязанному договорному обязательству: а) третье лицо должно иметь интерес в чужом договорном обязательстве; б) третье лицо должно быть конечным выгодоприобретателем в цепочке взаимосвязанных договоров, опосредующих переход экономического блага, поскольку в таком случае указанное лицо несет основные имущественные потери в связи с неисполнением обязательства должником в рамках взаимосвязанного договора; в) третье лицо не имеет иных способов защиты права, кроме как обратиться с требованием к должнику, который не исполнил собственное обязательство перед кредитором.
6. Доказано, что теоретическим обоснованием невозможности установления обязанностей для третьих лиц без их согласия и для запрета любого негативного влияния третьих лиц на чужое договорное обязательство является принцип относительности обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Договор может представлять ценность и имущественное благо для должника и кредитора, которое должно быть защищено от посягательств неопределенного круга иных лиц.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования были обсуждены на заседании кафедры коммерческого права и основ правоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, использовались автором настоящей диссертации в учебном процессе, при

прохождении педагогической практики и участии в проведении практических занятий на юридическом факультете Московского университета имени М.В. Ломоносова, по курсам: «Правоведение», «Коммерческое право», «Исполнение договорного обязательства», «Актуальные проблемы имущественной ответственности».

Практическая значимость исследования

Практическая значимость состоит в том, что сделанные выводы и предложения могут использоваться при совершенствовании законодательства, в правореализационной и правоприменительной практике, в учебном процессе при проведении занятий по курсу «Гражданское право», «Коммерческое право», а также при юридической квалификации поведения третьих лиц, влияющего на чужое договорное обязательство.

Структура работы

Работа состоит из двух глав, объединяющих шесть параграфов, введения, заключения и списка использованной литературы (библиографического списка).

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертации, анализируется степень ее научной разработанности, определены цель и задачи исследования, изложены методологические, теоретические основы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, сделан обзор основных научных работ по проблематике исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Общая характеристика третьего лица в обязательстве»** диссертационного исследования рассматриваются доктринальные учения о понятии третьего лица в обязательстве, история развития понятия третьего лица в обязательстве, в частности, исследован институт договора в пользу третьего лица, основные проблемы правоприменения третьих лиц, не участвующих в договорном обязательстве.

В **первом параграфе**, который именуется **«О третьем лице в обязательстве в юридической доктрине»**, автором исследуется развитие представлений о третьем лице в обязательстве в отечественном дореволюционном гражданском праве. С этой целью проанализированы основные работы, посвященные указанной проблематике, а именно Ю. Дубовицкого, А.Н. Дубовицкого и А.М. Нолькена, Г.Ф. Шершеневича, К.П. Победоносцева, Н.О. Нерсесова. Анализ позиций подвел автора к выводу, что развитие представления о третьем лице в обязательстве проходило следующие этапы: а) отрицание прав третьих лиц в чужом обязательстве в силу римской правовой максимы *alteri stipulari nemo potest*, которая устанавливала невозможность стипуляции в пользу третьего лица, поскольку промиссар в таком случае не имел должного интереса в обязательстве. Аналогичное отрицание прав третьих лиц в чужих договорах (*privity of the contract*) прослеживалось и в английском правопорядке; б) развитие новых интерпретаций римского принципа с целью предоставления возможности третьему лицу приобретать право

требования к должнику в судебной практике (на примере рассуждений английских судей) и доктрине (на примере развития научной мысли в Германии); в) закрепление договорной конструкции в пользу третьего лица, которая позволяет последним приобретать право требования к должнику.

Во втором параграфе «О понятии третьего лица в современном российском гражданском праве» исследуются основные подходы к понятию третьего лица, критика наиболее актуальных доктринальных позиций, устанавливаются критерии понятия третьего лица по мнению автора. Также обращается внимание на необходимость выявления соотношения третьих и иных (других) лиц.

Автор приходит к выводу, что в российском законодательстве недостаточно ясно проводится разграничение между понятиями «третье лицо» и «иное лицо». Между тем проведение такого различия необходимо, чтобы определить понятие и роль третьего лица в обязательстве.

Из проанализированных подходов к понятию третьего лица представляется наиболее удачной аргументация о необходимости выделения интереса в обязательстве как квалифицирующего признака третьих лиц. Указанный подход позволяет разграничить и подчеркнуть самостоятельность и независимость третьего лица от сторон обязательства, одновременно выделяя его из неопределенной категории иных (других) лиц. Однако определение одного лишь квалифицирующего признака в виде наличия интереса в обязательстве представляется недостаточным. Третье лицо становится таковым только в случае, если оно предпринимает конкретные меры по достижению собственного интереса в обязательстве. Именно совершение юридически значимого действия третьим лицом позволяет не только идентифицировать его как правомочного субъекта гражданских правоотношений, но и установить волеизъявление, преследующее конкретные интересы в обязательстве.

Поскольку третьи лица преследуют собственные интересы в обязательстве, то основная роль таких лиц в структуре обязательства заключается в оказании влияния на динамику обязательственной правовой связи, выражающееся в реализации третьим лицом предусмотренных договором или законом субъективных прав, права на защиту, а также в совершении противоправных действий против сторон обязательства.

В третьем параграфе «Структура договорного обязательства с участием третьего лица» автором определяются формы влияния третьих лиц на договорные обязательства. Классификация влияния на позитивное договорное, позитивное внедоговорное и негативное необходима для определения различных правовых последствий в результате совершения юридически значимых действий третьим лицом. Автор указывает, что влияние третьего лица на договорное обязательство может выражаться в двух формах – путем совершения: а) правомерных и б) противоправных действий, направленных на реализацию собственного интереса в договорном обязательстве. Исходя из этого предложено различать влияние третьего лица на чужое обязательство в позитивной и негативной формах. Выявление формы влияния третьего лица позволяет разграничить возможные правовые последствия от действий третьих лиц.

Во второй главе «Формы влияния третьего лица на договорные обязательства» автором подробно анализируются конкретные случаи позитивного и негативного влияния третьего лица. В силу ограничений по объему, предъявляемых к диссертационному исследованию, автору не представляется возможным исследовать все многообразие договорных форм с участием третьего лица. За основу своего исследования автор анализирует договорные конструкции, которые чаще всего встречаются в структурировании системы договоров в области оптовой и розничной купли-продажи, которые предполагают актуальные проблемы коммерческого права.

В первом параграфе «Позитивное влияние третьего лица в рамках договора» автор исследует случаи так называемого позитивного влияния третьего лица, в котором последнее путем реализации предусмотренных законом действий трансформирует договорные правоотношения между кредитором и должником, а именно приобретает право требования к должнику. К примерам позитивного влияния третьего лица следует относить договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) и исполнение обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ). В первом случае право требования к третьему лицу переходит в результате выражения согласия на принятие исполнения. Во втором случае право требования к третьему лицу переходит в результате исполнения обязательства последним. Автором также исследуется вопрос о правовом статусе лица, принимающего исполнение, в результате его переадресации (ст. 312 ГК РФ), в соответствии с отгрузочной разрядкой покупателя (п. 2 ст. 509 ГК РФ), в рамках договора перевозки (ст. 785 ГК РФ).

Автор приходит к выводу, что в ситуации исполнения обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ), его влияние выражается в исполнении обязательства кредитору, что влечет переход права требования к должнику от кредитора к третьему лицу в силу закона (суброгация). При этом исполнение обязательства по поручению должника не позволяет характеризовать исполнителя как третье лицо, поскольку в таком случае исполнитель выступает в качестве уполномоченного лица (представителя). В конструкции договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) влияние третьего лица выражается в реализации секундарного права с целью получения права требования к должнику. В обоих случаях третье лицо имеет интерес не только в собственных отношениях с кредитором (отношения валюты), но и в чужом договорном обязательстве между кредитором и должником (в отношениях покрытия). Поскольку третье лицо имеет интерес в отношениях покрытия, то его действия направлены на трансформацию отношений покрытия в своем интересе.

Во **втором параграфе «Позитивное влияние третьего лица вне договора»** автор исследует случаи влияния третьего лица, которое осуществляется вне договора, то есть, когда договором между кредитором и должником формально не регламентируется участие третьего лица. Автор определяет правовую природу влияния третьего лица в тех случаях, когда законодатель или правоприменитель фактически отступают от принципа относительности договорного обязательства, а интересы третьего лица имеют превалирующее значение в коммерческой практике. С этой целью анализируется иностранный опыт защиты интересов третьего лица на примере института групповых взаимосвязанных договоров во Франции, охранительного договора в Германии. Автором выявлены примеры правомерности требований третьего лица, минуя надлежащего ответчика – контрагента в законодательстве и в судебной практике. По итогам исследования указанных вопросов автор приходит к выводу, что возникновение права требования третьего лица к должнику в исключительных случаях в законодательстве и в судебной практике возможно в результате ненадлежащего исполнения договорного обязательства. Отсутствие договора между ними не является надлежащим возражением в удовлетворении требований третьего лица. Последнее имеет право требования к должнику при одновременном соблюдении следующих исключительных условий. Если третье лицо: а) имеет охраняемый интерес в чужом обязательстве; б) несет имущественные риски или реальные имущественные потери в результате неисполнения должником договорного обязательства; в) не имеет иных альтернативных способов защиты права, кроме как обращение с требованием к должнику, минуя ответчика-контрагента.

В **третьем параграфе «Негативное (противоправное) влияние третьего лица»** автор исследует случаи так называемого негативного влияния третьих лиц, которое выражается в противоправных действиях третьего лица по реализации своего не охраняемого законом интереса в чужом договорном обязательстве.

Примером негативного влияния третьего лица является вмешательство в чужие договорные отношения, под которым предлагается понимать противоправные действия третьего лица, направленные на создание условий для нарушения, изменения, прекращения договорного обязательства с целью извлечения выгоды от наступивших правовых последствий для сторон договорного обязательства. По итогам исследования проблемы автор приходит к выводу, что существуют предпосылки в российском праве для признания действий третьих лиц, которые направлены на изменение динамики договорного обязательства, в качестве противоправных: а) любые действия третьего лица, в основе которых лежит неохранный (неправомерный) интерес в чужих договорных отношениях и которые направлены на изменение договорного обязательства, являются нарушением гражданско-правового принципа невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ); б) действия третьего лица, направленные на изменение или прекращение чужого договорного обязательства, причиняют вред праву требования кредитора, что подтверждается в российской судебной практике в области банкротства; в) действия третьих лиц, направленные на получение материального блага, причитающегося кредитору, в результате сговора с должником являются проявлением недобросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ), что также демонстрируется в отдельных делах Верховного суда РФ. г) развитие института субсидиарной ответственности в банкротстве, где действия контролирующих должника лиц, по сути, третьих лиц причиняют ущерб не только должнику, но и кредиторам, лишая разумных ожиданий на получение причитающегося исполнения.

В заключении автором изложены выводы по итогам проведенного исследования.

Список работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.1.3. Частно - правовые (цивилистические) науки

- 1) Мухаметгалиев Д.М. Идея защиты интересов третьих лиц в российской судебной практике // Хозяйство и право. 2021. № 11. С. 123 – 128. (5-летний ИФ РИНЦ – 0,308).
- 2) Мухаметгалиев Д.М. О противоправном характере вмешательства третьих лиц в чужие договорные отношения // Законодательство. 2022. № 7. С. 8 – 14. (5-летний ИФ РИНЦ – 0,172).
- 3) Мухаметгалиев Д.М. Защита интересов третьего лица во французском и российском праве: сравнительно-правовой анализ // Право и экономика. 2022. № 8. С. 19 – 24. (5-летний ИФ РИНЦ – 0,472).
- 4) Мухаметгалиев Д.М. Третье лицо и его роль в обязательстве // Законодательство. 2022. № 11. С. 21 – 29. (5-летний ИФ РИНЦ – 0,172).